

Из истории становления Оркестра русских народных инструментов Санкт-Петербургского государственного университета

Е. М. Лупанова

Для цитирования: *Лупанова Е. М.* Из истории становления Оркестра русских народных инструментов Санкт-Петербургского государственного университета // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2024. Т. 69. Вып. 2. С. 267–290.
<https://doi.org/10.21638/spbu02.2024.202>

Статья посвящена 70-летию юбилею Оркестра русских народных инструментов Санкт-Петербургского государственного университета. Предшественниками коллектива были университетские балалаечники-солисты 1934–1939 гг. В газетных заметках сохранились имена и фотографии лучших из них — одного преподавателя и двух студентов. В послевоенные годы администрацией учебного заведения было принято решение поднять самодеятельность на новый уровень, что соответствовало мощному общественному запросу на приобщение к культуре. На этой волне появился ряд кружков с профессиональными руководителями, сохранялись и традиции чисто студенческой самоорганизации. Объединения исполнителей на народных инструментах были представлены ансамблем баянистов филологического факультета в 1948–1954 гг. под руководством студента, затем аспиранта В. Д. Фёдорова и оркестром четырехструнных домр любимовского типа в 1950–1953 гг. под руководством профессионального музыканта А. И. Васильева. Организация в 1953 г. оркестра андреевского типа выпускником исторического факультета М. М. Дорфманом стала началом нового этапа развития этого направления. Становление коллектива представлено в широком историческом контексте отношения власти к оркестрам народных инструментов, политических и культурных процессов, дискуссий в профессиональной среде. Основу источниковой базы исследования составляют материалы газеты «Ленинградский университет» и впервые вводимые в научный оборот архивные документы, хранящиеся в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга. Наиболее важный из них — написанная М. М. Дорфманом в 1956 г. «История Оркестра русских народных инструментов ЛГУ» — публикуется в качестве приложения вместе с выдержками из документов о коллективах клуба художественной самодеятельности ЛГУ в 1953 и 1955 гг. Сам факт написания этого текста знаменовал завершение процесса становления творческого коллектива.

Ключевые слова: Санкт-Петербургский государственный университет, история советской самодеятельности, народные музыкальные инструменты, оркестр, развитие традиций В. В. Андреева.

Евгения Михайловна Лупанова — д-р ист. наук, ст. науч. сотр., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 3; lupanova@kunstkamera.ru

Yevgenia M. Lupanova — Dr. Sci. (History), Senior Researcher, Peter the Great's Museum for Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, 3, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; lupanova@kunstkamera.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2024

On the History of the Orchestra of Russian Folk Instruments at Saint Petersburg State University

Ye. M. Lupanova

For citation: Lupanova Ye. M. On the History of the Orchestra of Russian Folk Instruments at Saint Petersburg State University. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2024, vol. 69, issue 2, pp. 267–290. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2024.202> (In Russian)

The academic year of 2023/24 marks the 70th anniversary of the Orchestra of Russian Folk Instruments at St. Petersburg State University. The precursors of the orchestra were the university solo balalaika-players in 1934–1939, one of whom was assistant professor, while two others — students. After World War II, the administration decided to boost the level of amateur activities, which corresponded to strong social demands for cultural access. A number of new clubs with professional teachers emerged within this trend in addition to students' own initiatives. University amateur musical bands of Russian folk instruments comprised of the ensemble of button-accordionists led a Philology student V. D. Fedorov and the orchestra of four-stringed domras led by a professional musician A. I. Vasiliev. The organization of the orchestra of V. V. Andreev's type by M. M. Dorfman, a graduate of the department of History, marked the start of a new period. The article places the formation of the orchestra in a wide historical context of the Soviet authorities' attitudes to orchestras of Russian folk instruments, political and cultural processes, and professional discussions. The sources include primarily the materials of the newspaper "Leningrad University" and archival documents for the first time introduced into the scholarship. The most important one — M. M. Dorfman's "The History of Orchestra of Russian Folk Instruments at Leningrad University" of 1956 — is published as appendix together with official information about the Club of amateur activities at Leningrad university in 1956. The fact of creating "The History" signified the accomplishment of the formation when all challenges had been met: the first organizational difficulties; teaching most members the basics of music; constant turnover of members; first concerts and contests. The first academic year was finishing with the orchestra having a full complement of instruments.

Keywords: St. Petersburg State University, history of Soviet amateur activities, folk musical instruments, orchestra, V. V. Andreev's cultural heritage.

Посвящается светлой памяти Михаила Дорфмана,
каким он был в 1934 г., — модным, ярким,
юморным двадцатилетним парнем,
неразлучным с саксофоном оригинальным джазменом,
решившим стать историком, но волею судьбы
запомнившимся поколениям универсантов
как последовательный, заботливый,
терпеливый педагог, организатор и первый руководитель
Оркестра русских народных инструментов ЛГУ.

В 2023/24 учебном году Оркестр русских народных инструментов (ОРНИ) СПбГУ отмечает свой 70-летний юбилей. Современные тенденции создания корпоративных историй обошли этот коллектив стороной. Начатая в 1953 г. и успешно продолжающаяся до сих пор большая культурно-просветительская работа во многом остается незамеченной. Информация о нем отсутствует в очерке университетской музыкальной жизни, написанном в 1982 г. и до сих пор остающемся един-

ственным в своем роде¹, нет ее и в активно пополняемом историческом разделе официального сайта СПбГУ, где представлено прошлое хора, фольклорного ансамбля и даже такого относительно молодого объединения, как ансамбль старинной музыки, появившегося в 2007 г.² Текущие события жизни оркестра освещаются на различных интернет-ресурсах, но как только заходит речь об истории, заметна небрежность, ведущая к ошибкам и их укоренению. По иронии судьбы М. М. Дорфман — организатор и первый руководитель коллектива — был выпускником исторического факультета ЛГУ, в стенах которого точность изложения фактов является одним из главных требований, предъявляемым к студентам с первого до последнего курса. Спустя примерно десятилетие после его смерти биография отца-основателя была дополнена любопытной деталью — в оркестре его стали считать выпускником Ленинградской консерватории; а недавно в «Википедии» ему «присвоили» звание профессора. Другие факты к тому времени стерлись из памяти. Например, в публикациях стал указываться ошибочный год рождения³ (на самом деле он родился 14 июля 1914 г.). Эти неточности объяснимы с точки зрения законов развития исторической памяти⁴, но настало время их, наконец, исправить.

Если посмотреть шире, то история коллективов художественной самодеятельности основывается преимущественно на официальных документах и материалах прессы. Источниковая база определяет характер исследований, а вместе с тем и выводы. Неслучайно авторы часто акцентируют внимание на идеологическом государственном заказе формирования новой советской идентичности посредством участия в организованном досуге⁵. Исключением из этого правила являются рабо-

---

¹ *Никольцева Г. Д., Шилов Л. А.* Из истории музыкальной жизни Петербургского университета // *Очерки по истории Ленинградского университета.* Т. IV. Л., 1982. С. 110–135.

² История Санкт-Петербургского университета в виртуальном пространстве (культурное наследие, музейные коллекции, биографика). История подразделений // Санкт-Петербургский государственный университет. URL: <https://history.museums.spbu.ru/setevye-resursy/2013-03-18-01-57-33/5-istoriya-podrazdelenij.html> (дата обращения: 07.07.2023).

³ *Троицкая Е.* Первый учитель музыки // Санкт-Петербургский университет. 2000. 6 декабря. № 29 (3552). URL: <http://old.journal.spbu.ru/2000/29/16.html> (дата обращения: 07.07.2023); Оркестр русских народных инструментов // Там же. 2015. 29 августа. URL: <https://students.spbu.ru/mnen-meroprijatija/tvorcheskie-kollektivy/1821-narodnyj-kollektiv-rossii-orkestr-russkikh-narodnykh-instrumentov.html> (дата обращения: 07.07.2023); Концерт памяти создателя и руководителя оркестра // *Sinus Finnicus.* URL: <http://sinusfinnicus.ru/art.php?id=27555> (дата обращения: 01.03.2023); Дорфман // Википедия. Свободная энциклопедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Дорфман> (дата обращения: 01.03.2023); *Султани А.* Наши балалаечники покорили «викингов» // Санкт-Петербургский университет. 2006. 18 апреля. № 7-8 (3730-3731). URL: <http://old.journal.spbu.ru/2006/07/16.shtml> (дата обращения: 01.03.2023).

⁴ *Кошечкина Е. А.* Историческая память как основа национальной идентичности современной России (на примере истории Лужского края) // *Дневник Алтайской школы политических исследований.* 2021. № 37. С. 225–235; *Латин В. В.* Канонизация адмирала Ф. Ф. Ушакова — акторы и бенефициары // *Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе.* СПб., 2021. С. 401–421; *Малинова О. Ю., Миллер А. И., Пахалюк К. А.* Региональный аспект политики памяти в России // *Новое прошлое.* 2022. № 2. С. 112–136; *Свердлов М. Б.* Историческая память и историческая действительность в сказании о трех братьях-варягах // *Восточная Европа в древности и Средневековье. Историческая память и формы ее воплощения.* XII Чтения памяти В. Т. Пашуто. М., 2000. С. 23–28; *Фадеев П. В.* Историческая память россиян в социологических опросах: основания, реальность, проблемы // *Вестник Института социологии.* 2021. Т. 12, № 2. С. 36–54.

⁵ *Байкалов Н. С., Цырендашиев Ж. Ж.* Исторический опыт развития культурно-просветительских учреждений новых городов Бурятии в 1950–1980-е годы // *Научный диалог.* 2022. Т. 11, № 7. С. 354–376; *Коновалова А. В.* Художественная самодеятельность как фактор формирования «массо-

ты И. В. Сидорчука, в которых, однако, заметна другая крайность: он рассматривает дома культуры и кружки при предприятиях как территорию свободы, где рабочий мог без последствий позволить себе вырваться из рамок привычных ограничений. В красочном живописном полотне экстравагантных поступков и хулиганских выходов почти не остается места для любительского искусства⁶.

В сложившейся историографической ситуации важно выявление источников иного типа и введение их в научный оборот. Специфика тем, связанных с досуговой практикой, требует этого особенно настоятельно, так как официальная идеология очевидно находится на далекой периферии в деле постоянного индивидуального выбора каждого участника той или иной разновидности проведения досуга, решающего, пойти ли сегодня на репетицию или, скажем, погулять в парке.

«История Орchestra русских народных инструментов Ленинградского университета» как исторический источник

Публикуемый в качестве Приложения к настоящей статье архивный документ, озаглавленный «История Орchestra русских народных инструментов Ленинградского университета» («История ОРНИ ЛГУ»), является интересным памятником середины прошлого столетия. Написанный для будущих поколений, он носит на себе заметный отпечаток авторства профессионального историка.

Источник был создан М. М. Дорфманом в мае 1956 г. и представляет собой приложение к не сохранившемуся до наших дней фотоальбому. Сам факт написания подводил итог процессу формирования коллектива — оставались позади организационные трудности на уровне администрации, работа по привлечению участников, обучение большей их части азам нотной грамоты, постоянная текучесть состава, первые опыты участия в концертах и смотрах, завершение первого учебного года, когда на сцену вышел, наконец, полный инструментальный состав. Текст был набран на печатной машинке в нескольких экземплярах и предназначался для ограниченного круга посвященных в жизнь коллектива читателей — в первую очередь для его членов. Он является в своем роде уникальным — ни один другой творческий коллектив СПбГУ не имеет подобного документа. Заботами автора один экземпляр был передан на государственное хранение и сейчас находится в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга (ЦГА СПб), а еще три остались в архиве ОРНИ СПбГУ. На одном из них от руки дописана дата 14 мая 1956 г., а в конце добавлена написанная в ноябре 1956 г. вторая часть — свидетельство попытки создать постоянно продолжающуюся летопись.

При написании «Истории ОРНИ ЛГУ» автор чувствовал себя свободным от условностей и сообщал о таких фактах, о которых не следовало открыто писать

вой культуры» в советский период // Культура и цивилизация. 2021. Т. 11, № 6-1. С. 159–165; Полякова Е. А., Моляко А. Г. Советские хореографические коллективы: формирование и развитие // Ученые записки Алтайской государственной академии культуры и искусств. 2022. № 1 (31). С. 37–48; Ярмолич Ф. К. Художественная самодеятельность в Ленинграде 1950-х — начала 1960-х гг. // Современная научная мысль. 2019. № 2. С. 97–102.

⁶ Сидорчук И. В.: 1) Особенности трансформации культурных досуговых практик рабочих в 1920-х гг. // История повседневности. 2018. № 1 (6). С. 18–33; 2) Дома культуры как досуговые пространства в конце 1920-х — 1-й половине 1930-х гг. (на примере Ленинграда) // Клио. 2022. № 8 (188). С. 105–114.

в официальных документах. Здесь не требовалось ссылок на последние постановления правительства и ритуальных фраз вроде: «В воспитательной работе особое внимание будет уделено вопросу о моральном облике советского студента — борьбе с отдельными проявлениями пережитков старого общества: алкоголизм, суеверие, празднование религиозных праздников и т. д. Разучиваемые произведения — песни о Родине, об освоении целинных и залежных земель, о дружбе народов Сов. Союза и др. будут способствовать коммунистическому воспитанию студентов в духе любви к Родине, к советскому народу, к великой Коммунистической партии»⁷. На страницах «Истории ОРНИ ЛГУ» можно прочесть о трудностях, связанных с отсутствием закрепленного за оркестром помещения для репетиций и хранения инструментов, в то время как в плане работы на 1953/54 учебный год автор писал: «Коллективу созданы благоприятные условия работы:

- a) предоставлено просторное помещение;
- b) имеется достаточное количество домр;
- c) имеются 2 хороших шкафа для хранения инструментов;
- d) имеются пульты»⁸.

Вместе с тем выражено пожелание о приобретении шести балалаек (четырёх прим, двух басовых) и одного бубна, настройке пианино, замене струн и обеспечении занятий классной доской. По составленному год спустя плану можно судить о том, что вопросы покупки бубна и новых струн для 25 инструментов сохраняли свою актуальность⁹. Более того, и по свидетельству 1970 г., то есть уже на 17-м году работы оркестра, знакомство с новыми участниками приходилось начинать со вступительного денежного взноса на струны¹⁰. Таким образом, сопоставление нескольких источников делопроизводственного и личного характера показывает ту же картину не всегда простой и безоблачной жизни, о какой для «своих» можно было написать коротко и вполне откровенно.

В архивном деле «Историю ОРНИ ЛГУ» предваряет справка о состоянии Клуба художественной самодеятельности университета — в ней дана информация об общем количестве занимающихся в коллективах и проблемах материально-технического обеспечения. Также для полноты картины представляется целесообразным предварить публикацию двумя выписками, в которых отражена численность вовлеченных в оркестр студентов¹¹ в период его формирования. Из этих документов следует, что игра в трех университетских оркестрах (симфоническом, эстрадном, ОРНИ) пользовалась меньшей популярностью, чем другие формы организованного культурного досуга, значительно уступая хоровому пению (хоровых коллективов в вузе насчитывалось семь, а общая численность их участников более чем

⁷ Дорфман М. М. План работы оркестра народных инструментов Ленинградского госуд. Орд. Ленина университета им. А. А. Жданова на 1954/55 уч. год // Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГА СПб). Ф. Р-7240. Оп. 17. Д. 36: Планы работ коллективов художественной самодеятельности клуба. Сентябрь 1954 — июль 1955 г. Л. 10.

⁸ Дорфман М. М. План работы оркестра народных инструментов Ленингр. госуд. орд. Ленина университета им. А. А. Жданова на 1953/54 уч. год // Там же. Д. 27: Планы работ клуба художественной самодеятельности. Сентябрь 1953 — июль 1954 г. Л. 24.

⁹ Дорфман М. М. План работы... на 1954/55 уч. год. Л. 10 об.

¹⁰ Троицкая Е. Первый учитель музыки.

¹¹ В протоколах заседаний клубного руководства XX в. зафиксировано эпизодическое обсуждение вопроса о необходимости активизации участия членов профессорско-преподавательского состава, однако, судя по всему, работа в этом направлении не приносила ощутимых результатов.

в четыре раза превосходила количество всех вместе взятых оркестрантов). Охотнее, чем в оркестры, студенты шли в танцевальные и театральные объединения. Следует оговориться, что в приводимых документах есть данные только об общеуниверситетских формах организации самодеятельности. Кроме этого, на каждом факультете существовали свои ансамбли, драмкружки и т. д.

Вторая часть «Истории ОРНИ ЛГУ» представляет собой меньший интерес по сравнению с первой: идея создания летописи себя не оправдала. По тексту видно, что при реализации замысла в течение нескольких лет едва ли получилось бы что-либо кроме репертуарных списков и перечисления фамилий новых участников, а также покинувших стены университета выпускников.

Сохранилось письмо концертмейстера О. Амосова (?)¹² и старосты оркестра И. Хургина И. Павловой — студентке, ответственной за хранение фотоальбома и ведение летописи. В нем говорится о необходимости взять на хранение накопившиеся материалы по истории коллектива, найти сведения о каждом «мало-мальски добросовестном музыканте», покинувшем оркестр после окончания ЛГУ, обратившись для этого в отдел кадров, «разобрать реликвии в хронологическом порядке» и беречь их, поскольку «копий как рукописей, так и газет нет»¹³.

Для понимания контекста публикацию «Истории ОРНИ СПбГУ» имеет смысл обрисовать в общих чертах музыкальную жизнь Санкт-Петербургского (Ленинградского) университета, уделяя особое внимание ее зарождению. Она имеет богатое прошлое, восходящее к временам, когда рисование, музыка и танцы входили в программу обучения, а любительский характер определялся возможностью участвовать в этих занятиях не только для студентов¹⁴. Со временем общекультурная составляющая была вынесена за рамки учебных планов и превратилась в чисто досуговую деятельность, в которой желающие продолжали принимать участие.

Русские народные инструменты в Ленинградском университете довоенного времени

Рубеж XIX и XX столетий в целом характеризуется подъемом интереса русско-образованного общества к отечественным народным традициям во всех проявлениях (обрядовом, декоративно-прикладном и др.). Творчески перерабатывая веками накопленный опыт, деятели культуры создавали потрясающие произведения живописи, архитектуры, литературы, вдохновленные национальными образцами, но слишком в техническом исполнении сложные, для того чтобы можно было их создать без базового академического образования.

Частью этого общего процесса стало изучение музыкальной культуры — поиск в деревнях и совершенствование инструментов, объединение музыкантов в ансамбли и оркестры¹⁵. Самым известным из них стал созданный В. В. Андреевым Ве-

¹² Подпись неразборчива, расшифровки не имеет.

¹³ Письмо О. Амосова (?) и И. Хургина И. Павловой, 30 мая 1958 г. // ВКонтакте. URL: https://vk.com/club289303?z=photo-289303_457239973%2Falbum-289303_240635388%2Frev (дата обращения: 22.12.2023).

¹⁴ Никольцева Г. Д., Шилов Л. А. Из истории музыкальной жизни... С. 111.

¹⁵ Гунин В. Н., Гунина И. А. Ансамблевое музицирование на русских народных инструментах: прошлое и настоящее // Вестник Института мировых цивилизаций. 2018. Т. 9, № 1. С. 103–107.

ликорусский оркестр, что было обусловлено успешным самопродвижением (в том числе за счет присвоения себе лично результатов работы единомышленников), поддержкой проекта сначала со стороны императорского двора, а затем советского правительства (смерть В. В. Андреева в 1918 г. сделала возможной трансформацию образа надворного советника и солиста Его Императорского Величества в выразителя народных чаяний, пропагандиста национальной музыкальной культуры, страдавшего от притеснений царизма)¹⁶. На волне распространения моды на народные музыкальные инструменты в первой трети XX в. появлялись творческие объединения в воинских частях и учебных заведениях, а позже, при советской власти, — в клубах и на предприятиях. Веяние едва ли могло обойти стороной Петербургский университет; после революции в его стенах наверняка звучала и кабацкая рабфаковская балалайка, однако никаких документальных свидетельств тому пока не обнаружено.

Советская власть ставила перед собой задачу организации культуры трудящихся. Требовалось создать жизнеспособную альтернативу традиционному религиозному стержню — внутри церковной общины было принято лично знать друг друга, обсуждать различные житейские вопросы, отмечать праздники. Правительство страны рабочих стремилось не только перенести все перечисленное в светские институты нового типа, но и повысить массовый культурный уровень, открыв широкий доступ к произведениям искусства. Важным аспектом была урбанизация, а городская среда предполагает иные способы социальной коммуникации. Для власти было очевидно невозможность серьезного и длительного политического просвещения масс без сильной развлекательной составляющей. Как после церковных проповедей традиционно начиналось гуляние, так за собранием профсоюзной ячейки или митингом должно было следовать веселье под баян. В этих условиях клубная работа, подготовка профессиональных кадров для руководства коллективами музыкантов-любителей, смотры художественной самодеятельности имели высокое значение. На низовом уровне при выборе местного партийного руководства, которое непосредственно общалось с рабочими, крестьянами, служащими и учащимися, умение организовать душевный вечер для неформального общения было значительным преимуществом. В одном только Ленинграде по состоянию на 1928 г. существовало 150 оркестров народных инструментов. Общие тенденции затронули и Ленинградский университет, о чем на сей раз можно уверенно говорить с опорой на печатные источники.

В 1936 г. аспирант Научно-исследовательского института математики и механики в составе университета и любитель-балалаечник Николай Григорьевич Ели-

---

¹⁶ Акулович В. И., Богданов Ю. Б. Просветительская деятельность В. В. Андреева // Труды Ленинградского государственного института культуры. 1988. Т. 121. С. 37–49; Акулович В. И., Брунцев В. А. Гусли в музыкальной культуре России конца XIX — начала XX века: Николай Иванович Привалов и Осип Устинович Смоленский // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2015. Т. 207. С. 114–151; Имханицкий М. И. История исполнительства на русских народных инструментах. М., 2002. 168–173; Колесникова Е. М.: 1) У истоков русского народного оркестра (Н. П. Фомин) // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2020. № 1 (42). С. 149–152; 2) Николай Петрович Фомин: реформатор андреевского кружка и один из создателей Великоорусского оркестра // Дегтярёвские чтения: проблемы хорового воспитания и исполнительства. Белгород, 2022. С. 124–129; Полевая М. В. В. В. Андреев: просветитель и общество (конец XIX — начало XX вв.) // Новый исторический вестник. 2007. № 2 (16). С. 186–192.

сеев был выдвинут для участия в общегородском смотре народного творчества. В выпуске газеты «Ленинградский университет» помещена его фотография, где он запечатлен в момент игры¹⁷. То же издание два года спустя сообщает о факультетском смотре художественной самодеятельности: «Почти все инструментально-вокальные выступления на вечере отличались богатством выбора материала и сравнительно большим мастерством исполнения. Причем ряд исполнителей показал незаурядные способности... хочется отметить очень интересное выступление тов. Елисеева (балалайка). Virtuозно владея инструментом, он с большим мастерством исполнил “Музыкальный момент” Шуберта и особенно “Чардаш” Монти»¹⁸.

Спустя полтора года в газете подводились итоги уже общеуниверситетского конкурса художественной самодеятельности. Среди музыкантов-инструменталистов третья премия была присуждена студенту филологического факультета Петру Васильевичу Литвинову (в этом коротком сообщении инструмент не был назван)¹⁹. В первом выпуске 1938 г. представлены результаты университетской олимпиады, в нем без ранжирования названы имена трех, по выражению журналиста, «культурных балалаечников» (явно в противовес живым еще кабацким и деревенским традициям) — к упоминавшимся выше присоединился студент математикомеханического факультета Павел Алексеевич Журавлев. В выпуске есть фотографии двоих из них²⁰.

Продемонстрировав свои успехи в стенах *alma mater*, летом 1938 г. «бригада художественной самодеятельности ЛГУ в количестве 15 человек с визой Лен. отд. комитета по делам искусств на право выступлений выехала на Кавказ». Традиционный русский народный инструмент был одним из гвоздей программы этих гастролей. В университетской малотиражке один из участников студенческого отряда писал: «Петя Литвинов, ставший в нашей поездке любимцем публики, всех покори́л исполнением классических произведений на своей старенькой балалайке»²¹. Первый выпуск газеты 1939 г. запечатлел единодушное признание заслуг этого музыканта на университетской олимпиаде творческой самодеятельности: «Первое место абсолютным большинством голосов присуждено Литвинову (балалайка). Его выступления ждали все, кто слышал его ранее. В этот вечер он играл особенно удачно. Прекрасный исполнитель, виртуозно владеющий инструментом, он обладает качеством, которое позволяет ему стать настоящим музыкантом. Это качество, ценное и редкое, — тот особый творческий подъем, который охватывает исполнителя на эстраде, одухотворяет его игру и захватывает слушателя. Нужно иметь хороший вкус и большую чуткость для того, чтобы облагородить балалаечный репертуар, еще носящий на себе печать скверных традиций прошлого (“Чардаш” Монти!). У Литвинова весь технический блеск органически вплетается в ин-

¹⁷ Ленинградский университет. 1936. 27 апреля. С. 3. URL: <https://dspace.spbu.ru/handle/11701/27632> (дата обращения: 23.02.2024).

¹⁸ Лук. Вечер прошел живо и интересно // Ленинградский университет. 1936. 8 апреля. С. 6. URL: <http://hdl.handle.net/11701/22052> (дата обращения: 07.07.2023).

¹⁹ Итоги конкурса художественной самодеятельности // Ленинградский университет. 1937. 13 октября. С. 4. URL: <http://hdl.handle.net/80511001> (дата обращения: 07.07.2023).

²⁰ Лапишин. Шаг вперед // Ленинградский университет. 1 мая 1938 г. С. 3. URL: <http://hdl.handle.net/80510853> (дата обращения: 07.07.2023).

²¹ Коганский. Большая победа // Ленинградский университет. 1938. 31 августа. С. 4. URL: <https://dspace.spbu.ru/B80510862> (дата обращения: 07.07.2023).

терпретацию вещи и придает ей особенное, свежее дыхание». Менее эмоционально описывается выступление математика: «Журавлев — неоднократный победитель смотров самодеятельности. “Венгерский танец № 6” Брамса и “Русский полонез” Андреева звучат в его исполнении виртуозно. Во всем этом чувствуется вдумчивый подход к произведениям. Нужно, однако, заметить, что иногда у Журавлева проскальзывает излишнее увлечение технической стороной вещей, идущие в ущерб чистоте звука и мелодичности исполнения»²². Эти оценки контрастируют со строками, посвященными игре на инструменте Н. Г. Елисеева, который назван «застывшим». Автор заметки, руководитель-методист университетской художественной самодеятельности, упрекает музыканта-любителя в отсутствии прогресса²³.

О Н. Г. Елисееве известно, что он окончил университет в 1932 г., тогда же начал преподавать и был зачислен в аспирантуру. В 1942 г. он умер от голода в блокадном Ленинграде²⁴. П. В. Литвинов стал признанным специалистом в области романской филологии. Окончив университет в 1939 г., он защитил в 1948 г. кандидатскую диссертацию²⁵, а в 1977 г. — докторскую²⁶. П. А. Журавлев в августе 1941 г., уже находясь на службе в Красной армии (с 22 июля 1941 г.), был переведен с пятого курса матмеха в Военно-воздушную академию,²⁷ а оттуда вскоре — в Харьковское военно-авиационное училище, по окончании которого служил в должности старшего техника-лейтенанта, затем старшего инженер-лейтенанта; был награжден медалью «За победу над Германией» и демобилизован 8 июля 1946 г.²⁸

Таковы сведения о довоенных народниках-инструменталистах Ленинградского университета. В заметках не говорится о руководстве этой работой со стороны профессиональных музыкантов — такая возможность была у студентов и сотрудников, игравших на классических музыкальных инструментах, а также у вокалистов — здесь поддерживались дореволюционные традиции. Целенаправленный архивный поиск по документам 1920–1930-х гг. пока не дал никаких результатов. Среди сохранившихся источников можно обнаружить сведения о работе университетского симфонического и духового оркестров, организации шахматного и драматического кружков, проведении циклов лекций по истории искусства, но, что касается народных инструментов, то это могли быть либо занятия за пределами университета, либо упоминаемая в заметках вскользь и без конкретизации организованная администрацией вуза серия консультаций перед конкурсными мероприятиями. Вероятно, рассмотренные материалы — это только верхушка айсберга, имена лучших музыкантов, победителей конкурсов, в то время как пробовали свои силы в этом направлении значительно большее количество универсантов. Стоит обратить внимание на тот факт, что в 1930-х гг. не предпринималось попыток объ-

²² Авдеев И. Инструменталисты // Ленинградский университет. 1939. 1 мая. С. 2. URL: <http://hdl.handle.net/11701/22318> (дата обращения: 07.07.2023).

²³ Счастнев С. Повышать свое мастерство // Там же. С. 2.

²⁴ Книга памяти Ленинградского-Санкт-Петербургского университета, 1941–1945. СПб., 1995. С. 93.

²⁵ Литвинов П. В. Роман Виктора Гюго «Отверженные»: дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1948.

²⁶ Литвинов П. В. Творческий метод Шарля де Костера: дис. ... д-ра филол. наук. Баку, 1977.

²⁷ Приказ № 471 по Ленинградскому государственному университету. 30 августа 1941 г. // Объединенный архив (далее — ОА) СПбГУ. Ф. 1. Т. 8. Д. 8. Л. 158.

²⁸ Журавлев Павел Алексеевич. Сведения из учетно-послужной картотеки // Poisk.re. URL: <https://poisk.re/person/officers/9325718> (дата обращения: 07.07.2023).

единить балалаечников в ансамбль; тем более не стоял вопрос об организации оркестра. В этот период эпизодически упоминался баян, но без конкретной фамилии исполнителя.

Джаз-банд исторического факультета

Параллельно с П. В. Литвиновым на филологическом факультете учился на историческом Михаил Моисеевич Дорфман. На старте жизненного пути казалось, что его судьба предопределена — в семье потомственных музыкантов едва ли обсуждался вопрос выбора профессии. В 1931 г., как и следовало ожидать, М. М. Дорфман стал студентом Ленинградской консерватории²⁹, однако проучился он там недолго. Воодушевленный современными технологиями, уже 1 октября того же года он стал учеником Ленинградского учебного комбината электрослаботочной промышленности завода им. Козицкого. Окончив программу обучения в 1933 г. с квалификацией механика 3-го разряда³⁰, он устроился на работу в АО «Межрабпом»³¹ и поступил в Центральный заочный механико-машиностроительный институт³². А в 1934 г. он принял новое решение, круто разворачивающее образовательную траекторию, — о поступлении на только что открывшийся в Ленинградском университете исторический факультет.

Первые наборы на исторический факультет (в особенности самый первый, 1934 г.) преимущественно состояли из настоящих энтузиастов. По выражению В. В. Мавродина, они «были действительно одержимы историей. Они не довольствовались изложением науки с кафедры, а много и усердно трудились в библиотеках, архивах, музеях. Многие из них стали видными деятелями советской исторической науки»³³. Вместе с тем факультету в первые годы существования был присущ творческий дух. Сразу стали образовываться самодеятельные коллективы, закипела активная общественная работа. В культурном плане тон задавали такие преподаватели, как Б. Д. Греков (авторитетнейший специалист по Древней Руси и одновременно увлеченный виолончелист-любитель) и А. В. Предтеченский (крупный специалист по социально-экономической истории XIX в., в молодости зарабатывавший частными уроками фортепиано и написанием концертных обзоров для журналов). Оба нередко собирали у себя коллег и учеников не только для бесед в непринужденной обстановке, но также для совместного музицирования и домашних концертов³⁴.

²⁹ *Троицкая Е.* Первый учитель музыки // Санкт-Петербургский университет. — Е. Троицкая приводит цитату из неофициальной автобиографии М. М. Дорфмана. Однако низкая достоверность этого источника ставит факт поступления в Консерваторию под сомнение. В автобиографии умалчивается о техническом образовании, опыте работе на заводе и говорится, что М. М. Дорфман перевелся в университет с четвертого курса Консерватории. Никаких документальных подтверждений тому обнаружить не удалось.

³⁰ Удостоверение [об образовании]. 8.06.1933 // ОА СПбГУ. Ф. 1. Оп. 19. Д. 21/ 34. Л. 30.

³¹ *Дорфман М. М.* Анкета для вновь поступающих в Ленингр. Государственный университет им. А. С. Бубнова. 8.07.1934 // Там же. Л. 6.

³² Справка. 1.08.1934 // Там же. Л. 14. — Сведений об окончании этого института обнаружить не удалось.

³³ *Мавродин В. В.* «Одержимы историей» // Ленинградский университет. 1984. 19 октября. С. 9. URL: <http://hdl.handle.net/B80513095> (дата обращения: 07.07.2023).

³⁴ *Колосова Е. М.* Из воспоминаний о преподавателях Санкт-Петербургского университета (материалы Музея истории РГПУ им. А. И. Герцена) // Вестник северо-западного отделения Российской

Студенты также проявляли инициативу, одной из самых ярких личностей в факультетской самодеятельности 1930–1940-х гг. был Д. Н. Альшиц³⁵.

В такой обстановке опыт М. М. Дорфмана был весьма востребован. Став снова первокурсником, он организовал «джаз-банд». По сообщению газеты «Ленинградский университет» от 19 октября 1935 г., этот небольшой коллектив существовал к тому моменту уже год, добился хороших результатов, но нуждался в материальной поддержке со стороны администрации — участникам хотелось расширить свой состав, что стало бы возможным после приобретения новых инструментов³⁶. В апреле 1936 г. в числе выдвинутых от исторического факультета для участия в университетской олимпиаде был саксофонист, второкурсник и лидер джаз-банды М. М. Дорфман³⁷.

Выступление не получило официального одобрения. В характерном для советской прессы стиле клеймения западных веяний автор заметки пишет об испорченном празднике творчества: после исполнения 5-й симфонии Бетховена в четыре руки на рояле, выступления певцов, композиторов, поэтов, танцоров, балалаечника Н. Г. Елисеева, когда зрители получили «удовольствие самое настоящее, без всякой скидки на самодеятельность... увы, завершающий номер — выступление джаза — не доставил удовольствия, даже с огромной скидкой на самодеятельность. Джаз хотел показать нечто до сих пор неслыханное, и он преуспел в этом отношении. Колорит музыки изменен до такой степени, что ничего нельзя разобрать. Неприятное впечатление от фальшивой, неритмичной игры, от пестрой одежды оркестрантов — спешат сгладить сами зрители»³⁸. На этом история университетского джаз-банды закончилась, несмотря на упреки М. М. Дорфмана в комсомольской незоснательности и в отказе от некогда успешного руководства проектом³⁹. Неудивительно, что в 1939 г. «из 1300 человек истфака в факультетской олимпиаде приняло участие лишь 12 человек, тогда как по первоначальным сведениям было известно, что истфак может дать около 35 исполнителей»⁴⁰. При сохранении творческого духа факультет стал с явной неохотой реагировать на административные инициативы, связанные с конкурсами самодеятельности. Джаз вернулся в стены университета в послевоенные годы — в 1947 г. упоминается ансамбль политико-экономи-

---

ской академии образования. Вып. 4. Университет: единство науки, образования и культуры. СПб., 1999. С. 71; *Кольцов И. А.* Анатолий Васильевич Предтеченский: ученый и педагог. К 125-летию со дня рождения (1898–1966) // Клио. 2018. № 4 (136). С. 207–217; *Никонов С. А.* Б. Д. Греков и И. И. Смирнов — учитель и ученик // Мавродинские чтения. СПб., 2002. С. 118–124; *Чернобаев А. А.* Мастера русской историографии: Борис Дмитриевич Греков (1882–1953) // Исторический архив. 2007. № 3. С. 102–106.

³⁵ *Бурмистрова Т.* «Наша группа была дружной» // Ленинградский университет. 1984. 19 октября. С. 9. URL: <http://hdl.handle.net/B80513095> (дата обращения: 07.07.2023); *Мининков Н. А.* Даниил Натанович Альшиц: гражданин, историк, писатель. Ростов н/Д; Таганрог, 2020.

³⁶ Ленинградский университет. 1935. 19 октября. С. 9. URL: <http://hdl.handle.net/11701/22005> (дата обращения: 07.07.2023).

³⁷ Ленинградский университет. 1936. 8 апреля. С. 1. URL: <http://hdl.handle.net/11701/22052> (дата обращения: 07.07.2023).

³⁸ *Газарян Б.* Праздник творчества // Ленинградский университет. 1936. 1 мая. С. 4. URL: <http://hdl.handle.net/11701/22054> (дата обращения: 07.07.2023).

³⁹ *Турдазов.* Не руководят курсовыми бюро // Ленинградский университет. 1937. 13 мая. С. 3. URL: <http://hdl.handle.net/11701/22151> (дата обращения: 07.07.2023).

⁴⁰ *Сальдау Л.* Юбилейная олимпиада // Ленинградский университет. 1939. 1 мая. С. 3. URL: <http://hdl.handle.net/11701/22318> (дата обращения: 07.07.2023).

ческого факультета⁴¹, затем есть сведения о существовании в течение нескольких лет Эстрадного оркестра (ориентировочно с 1950 по 1961 г.), которому фатально не везло на руководителей, и потому он был мало жизнеспособным. В 1961–1964 гг. на фоне общей политической и культурной либерализации в ЛГУ успешно работал еще один джазовый ансамбль, с него началась творческая биография Ю. М. Вихарева. В нем также проявляли свои таланты другие, в будущем знаменитые советские джазмены, не имевшие прямого отношения к университету⁴².

В 1936–1939 гг. М. М. Дорфман выступал на конкурсах с домрой под аккомпанемент фортепиано, теперь уже не привлекая к себе особого внимания жюри⁴³. Как историк он специализировался на вопросах колониальной политики и войн первой половины XIX в.

От первых опытов ансамблевой игры к Оркестру русских народных инструментов ЛГУ

В 1945 г. было принято решение поднять уровень художественной самостоятельности на новый уровень — расширить разнообразие предлагавшихся занятий, увеличить штат профессиональных педагогов, объявить о создании специализированного подразделения — клуба в составе Ленинградского университета. Предложение соответствовало мощному общественному запросу. Если в 1929 г. в СССР существовало около 2000 оркестров народных инструментов, то в 1950 г. их было 12 266, а общее количество участников составляло более 123 000 человек, не считая объединений баянистов и аккордеонистов⁴⁴. В новообразованный клуб студенты писали о желании освоить баян (с поиском такого специалиста возникло больше проблем, чем с заполнением вакансий в других кружках), пользовался популярностью аккордеон, а появление класса фортепиано превзошло все ожидания: вместо ориентировочно планировавшегося количества учеников — 20 человек, записалось 60. У руководства возникла сложная задача поиска педагогов и организации занятий так, чтоб ни один из проявивших тягу к культуре не получил отказа. В то же время общество еще не утратило традиций бытового и праздничного музыкального досуга. Хоровое пение и пляска под гармошку тогда вовсе не ассоциировались с организованной работой в стенах клуба. До широкого распространения общедоступных проигрывателей было принято петь во время совместной работы (если она не заглушалась цеховым шумом), походов, праздничных застолий. Притом му-

⁴¹ Художественная самостоятельность к октябрьским дням // Ленинградский университет. 1947. 23 октября. С. 1. URL: <http://hdl.handle.net/11701/22684> (дата обращения: 07.07.2023).

⁴² Васюточкин Г. Джаз времен оттепели [Джаз-клуб ЛГУ открылся 60 лет назад] // Санкт-Петербургские ведомости. 2021. 13 апреля. № 64 (6902). С. 1, 3. URL: <https://spbvedomosti.ru/news/culture/vremen-ottepeli-dzhaz-klub-lgu-otkrylsya-60-let-nazad/> (дата обращения: 20.12.2023); Овчинников П. Л., Зайцева М. Л. Основные тенденции развития московской джазовой школы (1950–1960-е гг.) // Вестник славянских культур. 2023. № 69. С. 356–365; Огородова А. В., Биляр Ю. Н., Шебанова Е. И. Джаз 1950-х гг. Революционный прорыв технологии и мышления: от эксперимента к духовности // Наука. Искусство. Культура. 2017. № 2 (14). С. 23–27; Петров С. Ю. Творческие особенности отечественной эстрады советского периода // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения: Гуманитарные исследования. 2023. № 3 (18). С. 19–27.

⁴³ Миренков В. Во власти музыки // Ленинградский университет. 18 сентября 1974 г. С. 1. URL: <http://hdl.handle.net/11701/26819> (дата обращения: 17.07.2023).

⁴⁴ Имханицкий М. И. История исполнительства... С. 225–226.

зыка, наряду с развлекательной, выполняла практические функции — задавала общий темп и координацию действий, помогала группе не растягиваться и не терять друг друга из вида, сохранять ровность дыхания и единый эмоциональный настрой и т. д.⁴⁵ В этих условиях студенты не только охотно откликались на предложения клуба и просили обеспечить занятия, но и проявляли инициативу. Одним из ярких тому примеров стал ансамбль баянистов филологического факультета под руководством студента, а затем аспиранта Владимира Дмитриевича Фёдорова.

Будучи не связанным бюрократическими обязательствами перед университетской администрацией, этот небольшой коллектив, объединявший как опытных любителей, так и впервые знакомившихся с инструментом, оставил едва уловимые следы своего существования. О создании ансамбля в начале 1948 г. есть небольшое упоминание в газетной заметке⁴⁶, в документе 1952 г. зафиксировано количество участников — семь человек⁴⁷. В. Д. Фёдоров родился в Ленинграде 15 сентября 1926 г., посещал детскую музыкальную студию по классу баяна. Во время Великой Отечественной войны он потерял отца (скончался в результате болезни) и старшего брата (погиб на фронте), вместе с матерью был эвакуирован в Томск, где в 1942 г. параллельно с учебой в школе начал трудовую деятельность с должности баяниста-аккомпаниатора во Всесоюзном гастрольно-концертном объединении. После возвращения в родной город в декабре 1945 г. поступил на филологический факультет ЛГУ⁴⁸. Ансамбль баянистов, видимо, прекратил свое существование с уходом В. Д. Фёдорова из университета после успешной защиты им кандидатской диссертации в октябре 1954 г.⁴⁹ и, вероятно, отъезда из Ленинграда. Параллельно с подготовкой к защите велись переговоры о его трудоустройстве в качестве заведующего кафедрой романо-германской филологии в Ташкентском педагогическом институте. Документы об их результатах в личном деле отсутствуют⁵⁰.

В архивных фондах сохранились документы работы в 1950–1953 гг. оркестра четырехструнных домр любимовского типа под руководством А. И. Васильева⁵¹. Здесь необходим комментарий, что количество струн и их строй в период народ-

⁴⁵ Байкова Е. Н. Хоровое пение как знаковая часть отечественной культуры // Межкультурное взаимодействие в современном музыкально-образовательном пространстве. 2015. № 13. С. 167а–169; Рудиченко Т. С. Традиционное бытовое пение в Донском регионе (по данным полевых исследований 2000–2010 гг.) // Памяти М. В. Семенцова. XVIII Дикаревские чтения. Краснодар, 2017. С. 158–168.

⁴⁶ Неволлина В. Художественная самодеятельность к дню Советской Армии // Ленинградский университет. 1948. 23 февраля. С. 4. URL: <http://hdl.handle.net/11701/22701> (дата обращения: 09.07.2023).

⁴⁷ Протокол № 6 заседания совета клуба самодеятельности ЛГУ. 12 марта 1952 г. // ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 17. Д. 12: Планы работ и протоколы заседаний совета и правления клуба. Декабрь 1951 — 25 мая 1952 г. Л. 33 об.

⁴⁸ Фёдоров В. Д.: 1) Автобиография. 20.12.1953 // ОА СПбГУ. Ф. 1. Д. 327. Л. 22; 2) Автобиография 17.07.1951 // Там же. Л. 49, 55.

⁴⁹ Фёдоров В. Д. Развитие латинского глагола *stare* в романских языках (его грамматические функции): дис. ... канд. филол. наук. Л., 1954; Кирикова Н. Н., Таубина Е. П. Диссертации, защищенные в Ленинградском ордена Ленина государственном университете имени А. А. Жданова 1934–1954. Л., 1955.

⁵⁰ Личное дело Фёдорова В. Д. // ОА СПбГУ. Ф. 1. Д. 327. Л. 14–16.

⁵¹ Васильев А. И.: 1) Планы работы кружка русских народных инструментов ЛГУ. 1950–1952 гг. // ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 17. Д. 7: Планы работ коллективов художественной самодеятельности 1950–1951 гг. Л. 1–2; 2) Рапорт начальнику клуба ЛГУ т. Смоляк Я. А. 3.04.1951 // Там же. Д. 8: Отчеты о работе клуба (материал отчетно-выборной конференции, справки-доклады о деятельности клуба, статотчеты). 1 сентября 1950 — март 1951 г. Л. 25; Кузьменков В. и др. О струнном оркестре

ного бытования определялись непосредственно на месте изготовителем и исполнителем. В материалах этнографических экспедиций запечатлено разнообразие существовавших и до сих пор используемых вариантов⁵². В период становления народно-академической традиции конца XIX — первой половины XX в. велись оживленные дискуссии о составе оркестров народных инструментов.

Одним из наиболее рьяных участников дискуссий был Г. П. Любимов, выступавший: 1) за включение в состав оркестров легких и относительно дешевых гуслей чувашского образца вместо сконструированных Н. И. Приваловым и О. У Смоленским и других вариантов этого инструмента, использовавшихся в андреевском составе⁵³; 2) минимизацию роли или полное исключение балалаек, как «инструмента очень сомнительной ценности» ввиду обычной игры аккордами и неудобства извлечения звука на одной струне; 3) распространение четырехструнных домр различных тесситур (пикколо, малые, альтовые, теноровые, басовые, контрабасовые), строй которых повторял бы строй струнных смычковых инструментов, что значительно облегчает переложение произведений классического репертуара, который и следовало исполнять на концертах, исключив написание произведений специально для оркестров народных инструментов и минимизировав исполнение народной музыки.

Оппонентами Г. П. Любимова выступали сторонники традиций, заложенных В. В. Андреевым. В результате победил именно такой вариант — трехструнные домры и балалайки квартового строя. На этой волне в 1950-х гг. сформировался актуальный по сей день своеобразный культ В. В. Андреева, что, однако, не означало полного исчезновения альтернативных вариантов. В частных и государственных собраниях хранится ряд вещественных тому доказательств — четырех- и шестиструнные балалайки⁵⁴, в преискурантах второй половины 1930-х гг. (т. е. в изданных уже после завершения дискуссии и смерти Г. П. Любимова) отражены фабричные предложения инструментов с различным количеством струн, а уж настройка тем более оставалась на усмотрение владельца⁵⁵. В целом, невзирая на вердикт профессионального сообщества о преимуществах андреевского варианта и его укоренение в оркестрах, получавших государственное финансирование, для личного домашнего использования покупатель предпочитали четырехструнные домры и четырехшестиструнные балалайки⁵⁶. Сильный удар сторонникам четырехструнных домр квинтового строя нанесла борьба с космополитизмом в послевоенные годы — в повторении строя таких европейских инструментов, как скрипка и мандолина, усма-

---

// Ленинградский университет. 1951. 19 апреля. С. 4. URL: <http://hdl.handle.net/11701/22871> (дата обращения: 10.07.2023).

⁵² Агажанов А. П. Русские народные музыкальные инструменты. М., 1949; Галахов В. К. Строй современной народной балалайки. М., 1982.

⁵³ Со временем в составе оркестров утвердились клавишные гусли, сконструированные на основе эстонско-латышского образца, имевшего «обратный» строй. Он достигался тем, что длина струн укорачивалась по мере удаления от стороны, с которой его держит исполнитель.

⁵⁴ Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации. URL: <https://goskatalog.ru/portal/> (дата обращения: 10.07.2023).

⁵⁵ Фабрика музыкальных инструментов. Прейскурант. Харьков, 1936; Прейскурант на изделия точной механики, музыкальные инструменты, строительные материалы, хозяйственные и др. товары, отпускаемые старателям-золотникам. М., 1937.

⁵⁶ Мочалова Е. Н. Мандолинное и домровое исполнительское искусство: пути развития и взаимодействия: дис. ... канд. искусствоведения. М., 2018. С. 97.

тривалось проявление раболепства перед Западом⁵⁷. Тогда же был усилен контроль на производствах. Сужение ассортимента выпускавшихся музыкальных инструментов соответствовало и задачам экономии средств, и идеологической директиве. До наших дней четырехструнная домра сохранилась в составе неаполитанских оркестров; оркестров русских народных инструментов Урала, Белоруссии и Украины. При этом уральские коллективы успешно сочетают трехструнные домры с четырехструнными⁵⁸.

История же 1920-х гг. строилась на противопоставлении и конкуренции, утверждении Г. П. Любимовым собственного мнения как единственного правильного, использовании политизированных аргументов и дискредитации заслуг покойного к тому времени создателя первого Великорусского оркестра В. В. Андреева⁵⁹. Карьеризм и соображения личной выгоды в этой истории явно преобладали над любовью к искусству, что предопределило неудачу любимовского проекта при выявившейся со временем жизнеспособности четырехструнных домр.

Возвращаясь к истории самодеятельности Ленинградского университета, следует отметить, что ее история повторяла общесоюзную. Документы, связанные с работой оркестра под управлением А. И. Васильева, пропитаны духом бюрократизма. Такое отношение к музыке предопределяло неудачу начинания в большей степени, нежели другие неблагоприятные факторы. За три года работы коллектив, о работе которого сохранилось достаточно документальных свидетельств, ни разу заметно не проявил себя ни на университетских мероприятиях, ни тем более за пределами учебного заведения. Его деятельность выглядит блекло даже по сравнению с Эстрадным оркестром ЛГУ, для которого в течение нескольких лет администрация тщетно искала хорошего дирижера. Неслучайно, полностью унаследовав от А. И. Васильева материальную базу и первое репетиционное помещение, М. М. Дорфман не допускал и мысли ни о возможности сосуществования в стенах ЛГУ, ни о преемственности. По количеству участников новоорганизованный в 1953 г. оркестр не отличался от предшествующего, но только четыре участника старого состава сочли для себя приемлемой переориентацию на андреевский образец⁶⁰; большинство же ушло, а новых участников пришлось учить с нуля. Оставшиеся четыре человека стали опорой руководителя в первое время. Среди них особое внимание на себя обращает студент филологического факультета Лев Иванов, не только игравший в оркестре на домре, но и предлагавший для исполнения собственные произведения. Помимо упоминающихся в «Истории ОРНИ ЛГУ» «Хороводной» и «Хорошо весною бродится», газетные заметки запечатлели его «Русскую сюиту»⁶¹. Судя по ежегодным планам и отчетам ОРНИ ЛГУ, в 1950-х гг. существова-

⁵⁷ Имханицкий М. И. История исполнительства... С. 225–227.

⁵⁸ Ненашева Т. А. Эволюция домрового искусства сквозь призму развития народных традиций игры на домре // Проблемы современной музыки: композитор и фольклор. Пермь, 2016. С. 92–101.

⁵⁹ Махан В. В. Домра в России: причины создания четырехструнной квинтовой домры и борьба «трехструнок» и «четырёхструнок» в 1920–30 годы // Музыкаведение. 2015. № 12. С. 25–37; 2) Домра в России: истоки и возрождение: дис. ... канд. искусствоведения. М., 2018.

⁶⁰ Название «андреевский» закрепилось за оркестрами данного состава как традиционное и общепринятое, хотя, строго говоря, не является корректным, так как с 1940-х гг. в него включаются баяны, флейты и гобои, не входившие в первоначальный состав и принципиально отвергавшиеся В. В. Андреевым как не относящиеся к исконно русским.

⁶¹ Немиров Ю. Приходите в наш оркестр // Ленинградский университет. 1956. 12 июня. С. 3. URL: <http://hdl.handle.net/11701/23162> (дата обращения: 10.07.2023).

ное внимание уделялось лекциям и беседам на темы, связанные с музыкальной теорией и вкладом в развитие русской культуры композиторов и деятелей искусства. Эти мероприятия проводились два раза в семестр и назначались на дни, когда не было репетиций. Организовывались также встречи с профессиональными музыкантами, совместные посещения концертов других коллективов. Записки и фотоальбомы 1950–1970-х гг., хранящиеся в архиве ОРНИ СПбГУ, запечатлели многочисленные походы и загородные прогулки, совместные культурные мероприятия — походы на концерты и в кино, экскурсии в музеи и на фабрику музыкальных инструментов.

Характерным для народных оркестров 1950-х гг. было обучение азам нотной грамоты в молодом, но уже не детском возрасте (с 16–17 лет) — это было вполне обычным даже для профессиональных коллективов союзного уровня. Такая картина отражена в официальном письме П. И. Нечепоренко, горячо выступившего за поднятие профессионального уровня народников перед Ленинградским обкомом ВКП(б)⁶². Его инициатива нашла поддержку, в результате по всей стране стали появляться соответствующие классы в детских музыкальных школах, открываться отделения и факультеты в музыкальных училищах и консерваториях, пересмотрены технические карты изготовления инструментов на фабриках, приняты необходимые решения по кадровой политике, в рассматриваемой сфере более определенно обозначились границы между профессиональным служением и художественной самодеятельностью⁶³.

Приложение

ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 17. Д. 21. Отчеты о работе клуба художественной самодеятельности. Октябрь 1952 г. — 27 июня 1953 г.

Л. 32. Справка о проверке культурно-массовой работы по профкому Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова [17 февраля 1953 г.].

Л. 39. При клубе организованы и работают коллективы художественной самодеятельности:

- хоровой коллектив в составе — 150 чел.;
- хореографический коллектив — 40;
- театральный коллектив — 35;
- симфонический — 25;
- духовой — 15;
- класс сольного пения — 20;
- класс художественного слова — 16;
- литературоведческое объединение — 65;

⁶² Переписка с Ленинградским радиокомитетом о положении дел в оркестре народных инструментов и о постановке обучения игре на русских народных инструментах в Советском Союзе. 22 февраля — 10 июля 1950 г. // Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. 24. Оп. 60. Д. 289. Л. 7.

⁶³ *Гунин В. Н., Гунина И. А.* Русская народная инструментальная музыка в XX веке: традиции и инновации // Вестник института мировых цивилизаций. 2017. № 15-1. С. 49–57; *Чупахина Т. И.* Прошлое и настоящее русских профессиональных оркестров народных инструментов // Chronos. 2020. № 9 (48). С. 43–48.

домровый оркестр — 25;
коллектив народов Севера — 55.

ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 17. Д. 37. Отчеты о работе Клуба художественной самодеятельности и о проведении смотров художественной самодеятельности. Февраль 1954 г. — октябрь 1955 г.

Л. 28. Отчет о проведении смотра художественной самодеятельности ЛГУ. Март месяц 1955 г.

В смотре принимали участие:

хоровых 7 [коллективов]	440 ч [еловек];
театральных 7	176;
хореографических 7	109;
Симф[онический оркестр]	25;
Эстр[адный оркестр]	14;
Орк[естр] нар[одных инструментов]	22;

ансамбли: дуэты, трио, квартеты (баянистов, аккордеонистов, струнные, инструментальные, вокальные ансамбли и др.).

Только в заключительном смотре участвовало около 700 человек.

ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 17. Д. 46. Историческая справка об оркестре русских народных инструментов Ленгосуниверситета им. Жданова. 31 января 1956 г.

При клубе художественной самодеятельности ЛГУ работает 18 общеуниверситетских коллективов художественной самодеятельности и 19 коллективов (хоровых, драматических и хореографических и др.) на факультетах. <...>

Всего в Университете занимается художественной самодеятельностью свыше 2000 чел., т. е. значительно больше, чем в любом доме культуры г. Ленинграда. Но, располагая лишь 4 небольшими комнатами (проходные, с общей площадью 100 кв. м), клуб не может обеспечить нормальную работу коллективам. Ряд коллективов (факультетские и клубные) вынуждены «кочевать» из одного помещения в другое, что отрицательно сказывается на росте и качестве самодеятельности. Такое положение с помещением значительно ограничивает привлечение новых участников в самодеятельность.

Отсутствие зрительного зала не дает возможности коллективам демонстрировать свои творческие достижения массам студенчества, а также это влечет большую трату профсоюзных средств на аренду помещения. Костюмерная, в которой находится на миллионы рублей имущества, ютится в сыром, тесном и непроветриваемом помещении.

Отсутствие своего клуба не дает возможности организовать широко отдых студентов, организовать культурную и политико-воспитательную работу, негде проводить вечера, лекции, беседы, концерты, спектакли.

На аренду помещений только для вечеров театра университета и факультетов было потрачено в 1955 г. около 100 тысяч рублей. Кроме того, студентам приходилось платить по 5–6 рублей за билет на вечер.

Уже на протяжении многих лет ректорат и общественные организации ставят вопрос об острой необходимости в помещении для клуба ЛГУ.

Университет поддерживают городские, общественные организации, обком Союза работников высшей школы, культмассовый отдел ВЦСПС.

Подписи: ректор, чл.-корр. АН СССР, проф. А. А. Александров, секретарь парткома С. И. Катько, предпрофкома А. Ф. Рагозин.

Дорфман М. М.

История оркестра русских народных инструментов в Ленинградском ордена Ленина государственном университете им. А. А. Жданова

Формирование оркестра началось в сентябре 1953 г. До этого времени в университете существовал оркестр четырехструнных домр квинтового строя. Из инструментов в наличии были четырехструнные домры, которые пришлось перестраивать под трехструнные (в ущерб чистоте строя). К счастью, имелись балалайки всех видов, кроме басовой, которая и была приобретена в октябре 1953 года.

Первые занятия оркестра проходили в очень тяжелых условиях: в красном уголке общежития № 1 на пр. Добролюбова.

Пришли и не умеющие вовсе играть, пришли и участники домрового оркестра, игравшие прежде на четырехструнных инструментах и, естественно, не особенно дружелюбно отнесшиеся к необходимости перестраиваться на новый (квартирный) строй.

Руководителю оркестра Михаилу Моисеевичу Дорфману пришлось провести специальную беседу о значении деятельности В. В. Андреева, о происхождении русских народных инструментов, о роли, которую играет интервал кварта в русской народной песне, о шаге назад, который сделал потом Любимов, сконструировавший искусственным образом четырехструнные домры квинтового строя. После этой беседы бывшие четырехструнники Н[иколай] Сидоренко⁶⁴, Л. Иванов, Р[адий] Мельник⁶⁵, А. Максимова настойчиво стали овладевать новым строем. Эта четверка образовала ядро будущего оркестра. Н. Сидоренко был избран старостой, Р. Мельник вошел в бюро. Н. Сидоренко, будучи лучшим домристом, оказался, однако, слабым организатором, и фактически жизнью коллектива руководила волевая Аля Максимова. Неплохо первое время работала член бюро Т[амара Николаевна] Хватова⁶⁶ — из новичков, но в конце года Хватова ушла из оркестра, в котором она играла партию альт-балалайки.

Вообще текучесть в оркестре в первые полтора года была очень большой. Одной из причин ее было отсутствие постоянного помещения. Из красного уголка одного общежития оркестр перебросили в красный уголок другого (на Мытне), который часто оказывался занятым под другое мероприятие, и оркестровые занятия срывались либо проводились в труднейших условиях: в коридоре, в комнате общежития, один раз даже в медпункте, размещавшемся в трех маленьких комнатах.

В этих условиях оркестр готовил свою первую программу, состоявшую из:

1. Русская народная песня «Эй, ухнем».
2. Украинская народная песня «У сос да хата была».
3. Вариации на русскую народную песню «Коробейники».

1-е выступление было 30.XII.1953 в новогоднем концерте в общежитии на пр. Добролюбова. Оркестр насчитывал тогда 16 человек, большинство из которых выступало впервые.

⁶⁴ Студент физического факультета, выпуск 1954 г. (здесь и далее дополнительная информация об участниках оркестра выявлена при подготовке публикации по материалам архива газеты «Ленинградский университет» за 1951–1958 гг., см.: <https://dspace.spbu.ru/handle/11701/19898> (дата обращения: 18.07.2023) и виртуального архива ОРНИ СПбГУ, см.: https://vk.com/al-bum-289303_240635388 (дата обращения: 22.12.2023)).

⁶⁵ Студент физического факультета.

⁶⁶ Студентка филологического факультета, выпуск 1956 г., отличница учебы, получатель сталинской стипендии, вела активную общественную работу, в 1955 г. баллотировалась в депутаты Совета трудящихся Василеостровского района.

Из новичков выделились контрабасист В[иктор] Цвелиховский⁶⁷, басовый домрист И[осиф Борисович] Хургин⁶⁸, балалаечник В[асилий] Хома⁶⁹.

К 1.V.1954 оркестр подготовил вторую программу, посвященную 300-летию воссоединения Украины с Россией. Сюда вошла украинская народная песня «Стоит гора высокая» и русская плясовая «Полянка» (в облегченной редакции).

С этой программой оркестр впервые принял участие в общеуниверситетском концерте во Дворце культуры им. Кирова.

Работа оркестра была признана хорошей и руководителю была вручена профкомом ЛГУ почетная грамота.

Однако вскоре после первомайского концерта оркестр быстро «растаял». Сидоренко и Максимова окончили университет, и коллектив остался без вожаков. В следующем году из «старичков» возобновили работу Л. Иванов, В. Цвелиховский, перешедший на малую домру, И. Хургин, перешедший на альтовую домру, и Р. Мельник, перешедший на баян. Таким образом, всего четыре человека! Зато пришло много новичков, желающих поступить в оркестр. Среди них оказалось трое играющих — это домрист Олег Амосов⁷⁰, баянисты Николай Ступин⁷¹ и Борис Стариков⁷². С этого времени в оркестр были введены баяны. Началась упорная подготовка к Октябрьским праздникам. Одновременно шла кропотливая работа с новичками. В результате оркестр выступил в годовщину Октябрьской революции со своей третьей программой:

1. Смело, товарищи, в ногу!
2. «Я за реченьку гляжу», муз. Мокроусова.
3. Украинская нар. песня «Ой, дж гунэ, дж гунэ».

В песне Мокроусова принимала участие вокалистка М. Я. Иванова⁷³ — это был первый случай введения в оркестр вокальной партии.

Из новичков выдвинулись контрабасист В. Самойлов, секундист А. Зинкевич⁷⁴, секундистка Л. Озерова, домристка К. Чирченкова.

Вскоре оркестр подготовил новогоднюю программу:

1. «Песня о земле», муз. Мокроусова.
2. Испанский танец из оперы «Травиата» муз. Верди.
3. «Посею лебеду на берегу» — русская нар. песня.

Кроме этого, трио домр в составе Л. Иванова, И. Хургина и Л. Никитиной⁷⁵ — одной из лучших домристок оркестра — выступило с отрывком из оперы «Сказка о царе Салтане» Римского-Корсакова и белорусской народной песней «Перепелочка» (в первый год существования оркестра также выступило трио в составе Л. Иванова, И. Хургина и Н. Сидоренко с «Французской песенкой» Чайковского и русской народной песней «Я на камушке сижу»).

После новогоднего концерта 30.XII.1954 наступила экзаменационная сессия, затем каникулы, и посещаемость кружковцев резко спала. Избранный еще в сентябре 1954 г.

---

⁶⁷ Студент химического факультета, выпуск 1958 г., увлекался самбо, отличник учебы и один из лучших спортсменов ЛГУ.

⁶⁸ Студент геологического факультета, выпуск 1958 г.

⁶⁹ Студент филологического факультета, выпуск 1956 г., приехал учиться в Ленинград из Венгрии, специализировался на творчестве А. М. Горького.

⁷⁰ Студент исторического факультета (?), выпуск 1958 г. (?).

⁷¹ Студент химического факультета.

⁷² Студент физического факультета, поступил в 1954 г., увлекался самбо.

⁷³ Сотрудница ЛГУ.

⁷⁴ Студент экономического факультета, поступил в 1954 г.

⁷⁵ Трио существовало в течение двух лет и дало несколько концертов.

староста Олег Амосов оказался, как и его предшественник, хорошим музыкантом, но слабым организатором; а между тем оркестру предстояло принять участие во Всесоюзном смотре. На пост старосты необходимо было избрать человека, который сумел бы сплотить вокруг себя студентов, стал бы душой коллектива. Таким человеком оказался Ося Хургин. С тех пор как в феврале 1955 г. И. Хургин возглавил вновь избранное бюро, жизнь в оркестре забила ключом. Были выделены ответственные по факультетам за посещаемость кружковцев, организовано прослушивание оркестра им. Андреева В. В. в Доме народного творчества, привлечены новые участники в оркестр.

Энергичными членами бюро проявили себя М[ария] Шепелевич и Б. Стариков. Последний провел инвентаризацию инструментов, количество которых возросло на целый комплект, приобретенный еще весной 1954 г.

На смотр коллектив вышел в количестве 24 человек с трудной, но интересной программой:

1. «Хорошо весной бродится», муз. участника оркестра Льва Иванова — для вокального дуэта⁷⁶ с оркестром.
2. Полька — муз. Глинки.
3. Вариации на русскую народную песню «Как под яблонькой».

Правда, не всем музыкантам эта программа была по плечу. Так, напр., трудные партии басовых домр в произведении Л. Иванова пришлось заменить облегченными. Совсем не удалось поднять партии прим-балалаек. Тем не менее в целом оркестр получил положительную оценку и был выдвинут на второй тур. Среди членов жюри находился представитель секции оркестров народных инструментов Дома народного творчества П. П. Грачев.

31. III. 1955 эту программу оркестр повторил на концерте в 77-й школе.

Вскоре после этого Дом народного творчества поставил доклад руководителя университетского оркестра М. М. Дорфмана на секции. Принявшие участие в обсуждении педагоги отмечали как радостный факт появление в Ленинграде нового оркестра и пожелали ему со временем вырасти в один из ведущих коллективов города. В профком ЛГУ секция направила письмо, в котором просила создать для оркестра более благоприятные условия.

Подготовка ко второму туру совпала с весенними экзаменами. Тем не менее оркестр не снижал своих темпов — сказалась деятельная работа бюро — и старательно шлифовал программу (несмотря на трудности с помещениями: занятие проводилось на филфаке, а инструменты хранились в клубе). Жюри второго тура, в работе которого принимал участие известный музыкант, в прошлом дирижер оркестра им. Андреева — Барнабелли [В. А. Нейман], выдвинуло оркестр на третий тур, т. е. на соревнование между лучшими оркестрами города.

Коллектив и его руководитель получили от Ленинградского областного комитета профсоюза работников культуры почетные грамоты. К этому времени в оркестре выросли новые, а главное — устойчивые кадры: это альтистки М. Шепелевич и А. Доценко, басистка Т[амара] Панкратова, пикколистка Л[юдмила] Филина, контрабасист Ю[рий] Шенин⁷⁷, домристки О[льга] Бастакова и Д[ора] Хургина.

---

⁷⁶ Солистки: Г. Офицерова, Н. Янбаева. См.: Репертуарный лист. Программа коллективов и отдельных исполнителей художественной самодеятельности Лен. Гос. Университета им. Жданова, выдвинутых на смотр Обкома профсоюза работников культуры. 1955 г. март м[есяц]. // ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 17. Д. 37. Отчеты о работе Клуба художественной самодеятельности и о проведении смотров художественной самодеятельности. Февраль 1954 — октябрь 1955 г. Л. 31.

⁷⁷ Студент химического факультета, в 1954/55 учебном году был на втором курсе.

В результате новый учебный год в сентябре 1955 г. начался на большом творческом подъеме: «старичков» уже было 15 человек. Вскоре к ним присоединилось ценное пополнение: это домристы О. Бонч-Осмоловский, Н. Ипагова⁷⁸, аспирант Вольфганг Рихтер⁷⁹.

Оркестру было предоставлено специальное помещение на истфаке, в котором и началась деятельная подготовка к третьему туру Всесоюзного смотра, проводимого в ноябре 1955 г.

По условиям смотра в каждом туре необходимо было играть одни и те же произведения. Это представляло немалые трудности: за летние месяцы многое позабылось, почти на половину состав оркестра изменился, а программа трудная. Решено было начать учебную работу не с программы к смотру, а с нового произведения — русской народной песни «То не ветер ветку клонит», позволяющей постепенно вводить новичков в оркестр. Перед смотром оркестр выступил со смотровой программой 12.XI.1955 г. в клубе завода им. Молотова. Третий тур проходил в Выборгском доме культуры.

Университетский оркестр вышел на смотр в составе 30 человек и, хотя тягаться с лучшими коллективами города, существующими много лет, ему было трудно, жюри смотра отметило, что оркестр находится на правильном пути и проделал за короткий срок большую работу. Как на недостаток указало на низкое качество инструментов и на отсутствие в оркестре прим-балалаек.

После смотра оркестр принялся за разучивание «Турецкого марша» Моцарта — произведения, требующего и большой техники и большой слаженности. К чести многих «новичков» нужно сказать, что они сумели преодолеть почти все трудности. Очень хорошо зарекомендовали себя альтистки И[нна] Баньковская⁸⁰, Л[ена]⁸¹ Шуршина, Н. Ган; секундистка Н[аталия] Калинина, басистка К[лавдия] Хлустова, контрабасистка А. В. Васильева, домристы М[ихаил] Сёмов, А[лександра] Минина, аспирантка Н[аталия] Бабкина⁸², И[нна] Павлова⁸³, К. Гамбург. 25.II.1956 концертмейстер оркестра О. Амосов в сопровождении Н. Бабиной (она же пианистка) в общежитии № 8 исполнили аллегретто Моцарта и «Ивушку», вариации на русскую народную песню.

В юбилейном моцартовском концерте оркестр выступил с «Турецким маршем» и «Колыбельной», которую в сопровождении оркестра исполняла Л. Дмитриева.

12.III.1956 в концерте, посвященном женскому дню, оркестр показал новую работу — русскую народную песню «Сама садик я садила». К этому времени оркестр вырастил несколько балалаечников-примачей, из которых бывшая альтистка М. Шепелевич добилась хороших результатов.

Наличие в оркестре прим-балалаек позволило поднять новое произведение Льва Иванова — «Хороводная», представляющее большой художественный интерес и явившееся этапным как в творчестве композитора, так и в работе оркестра.

К этому времени оркестр настолько созрел, что к Первомайскому празднику сумел подготовить кроме «Хороводной» еще два новых произведения — «У рябины» Носова (исполняла Л. Дмитриева в сопровождении оркестра) и индонезийскую народную песню «Индонезия». В этой программе впервые в оркестре мощно зазвучала группа басовых

⁷⁸ Студентка восточного факультета.

⁷⁹ Выпускник Берлинского университета им. А. фон Гумбольдта, на родине играл в народно-музыкальном студенческом оркестре.

⁸⁰ Студентка химического факультета; увлекалась спортивным туризмом, капитан команды, занявшей 2-е место на первенстве добровольного спортивного общества «Буревестник» в ночь с 19 на 20 октября 1957 г.

⁸¹ Вероятно, допущена опечатка. Верно — Елена Шуршина.

⁸² Аспирантка филологического факультета.

⁸³ Студентка филологического факультета.

домр, которая получила ценное пополнение в лице А. Иванова и в особенности Э. Старостиной.

К маю 1956 г. коллектив вырос до 35 человек и достиг по сравнению с предыдущим годом новой степени мастерства. Этому немало способствовала инициативная деятельности членов бюро И. Павловой, М. Шепелевич, М. Симова, а также активистов коллектива — Н. Бабкиной, О. Бастаковой, Н[ины] Никитиной, В. Рихтера и др., которые под руководством старосты И. Хургина провели в течение 1955/56 учебного года интересную и содержательную работу в коллективе: осенью кружковцы устроили загородную прогулку (в Петергоф), зимой провели экскурсию в Музей музыкальных инструментов, присутствовали [29.01.1956] на открытии мемориальной доски в доме, где жил В. В. Андреев, приняли участие во встрече со старейшими участниками оркестра им. Андреева в Доме народного творчества, присутствовали на докладе художественного руководителя оркестра им. Андреева т. [А. Я.] Александрова о жизни и творческом пути В. В. Андреева в Выборгском доме культуры, выпустили 2 номера стенгазеты «Тремоло» (ред. Н. Бабкина), добились приобретения трехструнных домр, пошивки чехлов и т. д. и, наконец, создали альбом оркестра (хранитель И. Павлова), для которого и написал настоящую историю университетского оркестра его руководитель М. М. Дорфман. 14.V.56.

Новый учебный год в сентябре 1956 г. начался при наличии 28 человек «старичков»⁸⁴. Это позволило миновать обычный в начале года организационный период и сразу приступить к творческой работе.

Начать решили с нового произведения, которое только что было написано композитором [В. И.] Мурадели, «Расцветай, Сибирь». Оркестр довольно быстро освоил эту песню. Даже трудные партии басовых домр не задерживали разучивание песни. Группа басовых домр пополнилась вскоре четвертым музыкантом — Женей Фениной. Постепенно вливались в оркестр новички и на другие инструменты.

Ценное пополнение получила группа секунд-балалаек в лице Светланы Булыгиной, Евы Суховицкой и Владимира Шалыгина. На альт-балалайке хорошо себя зарекомендовали Сергей Галушко и исключительно ритмичный Владимир Юдинцев.

Усилилась и группа басов за счет трудолюбивого Платона Афанасьева и талантливой Людмилы Осадчей. На вторые малые и альтовые домры пришли уже немного играющие Александр Голиков, Женя Соколов, Валерий Дубовик.

Группа прим-балалаек усилилась продвинутым Сережей Тимофеевым и перешедшим с малых домр Вольфгангом Рихтером.

Второй работой оркестра была русская народная песня «Светит месяц» в обработке В. Андреева. В освоении этого трудного произведения хорошо показали себя басовые и альтовые домристы, а также вся группа аккомпанемента, среди которой в особенности выделился контрабасист Артур Логинов.

С этими двумя произведениями оркестр успешно выступил 15 октября в Дворце им. Кирова.

«Расцветай, Сибирь» исполняла в сопровождении оркестра Марина Яковлевна Иванова. Интересно отметить, что это произведение впервые в Ленинграде прозвучало в университетском оркестре.

После этого концерта оркестр продолжил начатую в прошлом году работу над вальсом из оперы «Фауст» [Ш.] Гуно и включил это произведение в праздничный концерт 4 ноября на вечере филологического факультета (в помещении юридического факультета) и повторил на концерте 18 ноября в Актовом зале для детей из 21-й школы.

⁸⁴ Вторая часть публикуется на основании фотокопии виртуального архива ОРНИ СПбГУ. URL: https://vk.com/album-289303_240635388 (дата обращения: 22.12.2023).

Коллектив провел отчетно-перевыборное собрание, на котором было избрано новое бюро, в состав которого, кроме старых членов (т. Хургин — председатель, т. Сёмов, Шепелевич М.), вошла т. Калинина. 19.XI.56.

References

- Agazhanov A. P. *Russkie narodnye muzykal'nye instrumenty*. Moscow, MuzGIz Publ., 1949, 56 p. (In Russian)
- Akulovich V. I., Bogdanov Yu. B. Prosvetitel'skaia deiatel'nost' V. V. Andreyeva. *Trudy Leningradskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*, 1988, vol. 121, pp. 37–49. (In Russian)
- Akulovich V. I., Bruntsev V. A. Gusli v muzykalnoi kulture Rossii kontsa XIX — nachala XX veka: Nikolai Ivanovich Privalov i Osip Ustinovich Smolenskii. *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*, 2015, vol. 207, pp. 114–151. (In Russian)
- Baikalov N. S., Tsyrendashiev Zh. Zh. Istoricheskii opyt razvitiia kul'turno-prosvetitel'skikh uchrezhdenii novykh gorodov Buriiatii v 1950–1980-e gody. *Nauchnyi dialog*, 2022, vol. 11, no. 7, pp. 354–376. (In Russian)
- Baikova E. N. Khorovoe penie kak znakovaaia chast' otechestvennoi kul'tury. *Mezhkul'turnoe vzaimodeistvie v sovremennom muzykal'no-obrazovatel'nom prostranstve*, 2015, no. 13, pp. 167a–169. (In Russian)
- Chernobaev A. A. Mastera russkoi istoriografii: Boris Dmitrievich Grekov (1882–1953). *Istoricheskii arkhiv*, 2007, no. 3, pp. 102–106. (In Russian)
- Chupakhina T. I. Proshloe i nastoiashchee russkikh professionalnykh orkestrov narodnykh instrumentov. *Chronos*, 2020, no. 9 (48), pp. 43–48. (In Russian)
- Fadeyev P. V. Istoricheskaiia pamiat' rossiian v sotsiologicheskikh oprosakh: osnovaniia, real'nost', problem. *Vestnik Instituta sotsiologii*, 2021, vol. 12, no. 2, pp. 36–54. (In Russian)
- Fiodorov V. D. *Razvitie latinskogo glagola stare v romanskikh iazykakh (ego grammaticheskie funktsii)*. PhD thesis (Philology). Leningrad, 1954, 322 p. (In Russian)
- Galakhov V. K. *Stroi sovremennoi narodnoi balalaiki*. Moscow, [s. n.], 1982, 46 p. (In Russian)
- Gunin V. N., Gunina I. A. Russkaia narodnaia instrumentalnaia muzyka v XX veke: traditsii i innovatsii. *Vestnik instituta mirovykh tsivilizatsii*, 2017, no. 15–1, pp. 49–57. (In Russian)
- Gunin V. N., Gunina I. A. Ansamblevoe muzitsirovanie na russkikh narodnykh instrumentakh: proshloe i nastoiashchee. *Vestnik Instituta mirovykh tsivilizatsii*, 2018, vol. 9, no. 1, pp. 103–107. (In Russian)
- Iarmolich F. K. Khudozhestvennaia samodeiatel'nost' v Leningrade 1950-kh — nachala 1960-kh gg. *Sovremennaiia nauchnaia mysl'*, 2019, no. 2, pp. 97102. (In Russian)
- Imkhanitskii M. I. *Istoriia ispolnitelstva na russkikh narodnykh instrumentakh*. Moscow, RAM im. Gnesinykh Press, 2002, 351 p. (In Russian)
- Kirikova N. N., Taibina E. P. *Dissertatsii, zashchishchennye v Leningradskom ordena Lenina gosudarstvennom universitete imeni A. A. Zhdanova 1934–1954*. Leningrad, Leningrad University Press, 1955, 256 p. (In Russian)
- Kolesnikova E. M. Nikolay Petrovich Fomin: reformator andreievskogo kruzhka i odin iz sozdatelei Velikorusskogo orchestra. *Degtariovskie chteniia: problemy horovogo vospitaniia i ispolnitelstva*. Belgorod, [s. n.], 2022, pp. 124–129. (In Russian)
- Kolesnikova E. M. U istokov russkogo narodnogo orchestra (N. P. Fomin). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*, 2020, no. 1 (42), pp. 149–152. (In Russian)
- Kolosova E. M. Iz vospominanii o prepodavateliiakh Sankt-Peterburgskogo universiteta (materialy Muzeia istorii RGPU im. A. I. Gertsena). *Vestnik severo-zapadnogo otdeleniia Rossiiskoi akademii obrazovaniia. Vyp. 4. Universitet: edinstvo nauki i kul'tury*. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 1999, pp. 68–77. (In Russian)
- Kol'tsov I. A. Anatolii Vasil'evich Predtechenskii: uchenyi i pedagog. K 125-letiiu so dnia rozhdeniia (1898–1966). *Klio*, 2018, no. 4 (136), pp. 207–217.
- Konovalova A. V. Khudozhestvennaia samodeiatel'nost' kak faktor formirovaniia “massovoi kul'tury” v sovetskii period. *Kul'tura i tsivilizatsiia*. 2021, vol. 11, no. 6-1, pp. 159–165. (In Russian)
- Koshechkina E. A. Istoricheskaiia pamiat' kak osnova natsional'noi identichnosti sovremennoi Rossii (na primere istorii Luzhskogo kraia). *Dnevnik Altaiskoi shkoly politicheskikh issledovaniia*, 2021, no. 37, pp. 225–235. (In Russian)

- Lapin V. V. Kanonizatsiia admirala F. F. Ushakova — aktory i benefitsiary. *Simvolicheskie aspekty politiki pamiati v sovremennoi Rossii i Vostochnoi Evrope*. St. Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge Press, 2021, pp. 401–421. (In Russian)
- Litvinov P. V. *Roman Viktora Giugo "Otverzheniye"*. PhD thesis (Philology). Baku, [s. n.], 1948, 290 p. (In Russian)
- Litvinov P. V. *Tvorcheskii metod Sharliia de Kostera*. Dr. Sci. thesis (Philology). Baku, [s. n.], 1977, 465 p. (In Russian)
- Makhan V. V. *Domra v Rossii: istoki i vozrozhdenie*. PhD thesis (Arts). Moscow, [s. n.], 2018, 290 p.
- Makhan V. V. Domra v Rossii: prichiny sozdaniia chetyrehstrunnoi kvintovoi domry i bor'ba "trekhstrunok" i "chetyrehstrunok" v 1920–30 gody. *Muzykovedenie*, 2015, no. 12, pp. 25–37. (In Russian)
- Malinova O. Yu., Miller A. I., Pakhaliuk K. A. Regional'nyi aspekt politiki pamiati v Rossii. *Novoe proshloe*, 2022, no. 2, pp. 112–136. (In Russian)
- Mininkov N. A. Daniil Natanovich Al'shits: grazhdanin, istorik, pisatel'. Rostov-on-Don; Taganrog, Izdatel'stvo Iuzhnogo federal'nogo universiteta Press, 2020, 258 p.
- Mochalova E. N. *Mandolinnoe i domrovoe ispolnitel'skoe iskusstvo: puti razvitiia i vzaimodeistviia*. PhD thesis (Arts). Moscow, [s. n.], 2018, 148 p. (In Russian)
- Nenasheva T. A. Evollutsiia domrovogo iskusstva skvoz prizmu razvitiia narodnykh traditsii igry na domre. *Problemy sovremennoi muzyki: kompozitor i fol'klor*. Perm, Permskii gosudarstvennyi institut kul'tury Publ., 2016, pp. 92–101. (In Russian)
- Nikol'tseva G. D., Shilov L. A. Iz istorii muzykal'noi zhizni Peterburgskogo universiteta. *Ocherki po istorii Leningradskogo universiteta*, vol. 4. Leningrad, Leningrad University Press, 1982, pp. 110–135. (In Russian)
- Nikonov S. A. B. D. Grekov i I. I. Smirnov — uchitel' i uchenik. *Mavrodinskie chteniia*. St. Petersburg, History Faculty, St. Petersburg University Press, 2002, pp. 118–124. (In Russian)
- Ogorodova A. V., Bilyar Yu. N., Shebanova Ye. I. Dzhaz 1950-h gg. Revolyutsionnyi proryv tekhnologii i myshleniia: ot eksperimenta k duhovnosti. *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura*, 2017, no. 2 (14), pp. 23–27. (In Russian)
- Ovchinnikov P. L., Zaytseva M. L. Osnovnyye tendentsii razvitiia moskovskoi dzhazovoi shkoly (1950–1960-ye gg.). *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2023, no. 69, pp. 356–365. (In Russian)
- Petrov S. Yu. Tvorcheskie osobennosti otechestvennoi estrady sovetskogo perioda. *Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo universiteta putey soobshcheniia: Gumanitarnye issledovaniia*, 2023, no. 3 (18), pp. 19–27. (In Russian)
- Polevaia M. V. V. V. Andreev: prosvetitel i obshchestvo (konets XIX — nachalo XX vv.). *Novyi istoricheskii vestnik*, 2007, no. 2 (16), pp. 186–192. (In Russian)
- Poliakova E. A., Moliavko A. G. Sovetskie khoreograficheskie kollektivy: formirovanie i razvitie. *Uchenye zapiski Altaiskoi gosudarstvennoi akademii kul'tury i iskusstv*, 2022, no. 1 (31), pp. 37–48. (In Russian)
- Rudichenko T. S. Traditsionnoe bytovoe penie v Donskom regione (po dannym polevykh issledovaniia 2000–2010 gg.). *Pamiati M. V. Sementsova. XVIII Dikarevskie chteniia*. Krasnodar, Tipografiia Plekhanovets Publ., 2017, pp. 158–168. (In Russian)
- Sidorchuk I. V. Doma kul'tury kak dosugovye prostranstva v kontse 1920-kh — 1-i polovine 1930-kh gg. (na primere Leningrada). *Klio*, 2022, no. 8 (188), pp. 105–114. (In Russian)
- Sidorchuk I. V. Osobennosti transformatsii kulturnykh dosugovykh praktik rabochikh v 1920-kh gg. *Istoriia povsednevnosti*, 2018, no. 1 (6), pp. 18–33. (In Russian)
- Sverdlov M. B. Istoricheskaiia pamiat' i istoricheskaiia deistvitel'nost' v skazanii o trekh brat'iakh-variagakh. *Vostochnaiia Evropa v drevnosti i srednevekove*. *Istoricheskaiia pamiat' i formy ee voploshcheniia. XII Chteniia pamiati V. T. Pashuto*. Moscow, Nauka Publ., 2000, pp. 23–28. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 13 октября 2023 г.

Рекомендована к печати 10 января 2024 г.

Received: October 13, 2023

Accepted: January 10, 2024